

[Рабочий край, 2 октября 1918]

О СВОБОДЕ ПЕЧАТИ.

Каждый день в редакцию доставляются десятки пакетов и писем.

Тут статьи по всевозможным вопросам, корреспонденции с мест, фельетоны, стихи, рассказы, заметки о фабричной жизни. Некоторые из них написаны четко, разборчиво, видна набившаяся рука, но большая часть читается с трудом. Приходится старательно выправлять, сокращать и подвергать прочим редакционным вивисекциям.

Кому принадлежат эти пакеты и письма?

Рабочим, крестьянам, той интеллигенции, которая выходит теперь из недр трудового народа. Токарь, слесарь, деревенский бедняк, псаломщик, учитель, наборщик, подпольный революционер, работник больницы кассы, кооператива, профессионального союза, - вот авторы ежедневных статей и корреспонденций.

Возьмите любой номер "Рабочаго Края" и присмотритесь, кто его заполняет. Газета стоит на точке зрения коммунистической партии, но составляют и заполняют номер далеко не одни коммунисты. Большая часть сотрудников - либо сочувствующие, либо просто революционно-настроенные рабочие и крестьяне. Особенно в отделе корреспонденций с мест. Коммунисты-писатели там в большинстве рабочие.

Представьте, дальше, сколько всех ткачей, слесарей, наборщиков и т. д. участвуют в ежедневной Советской прессе по всей Советской России и вы увидите, какое в сущности огромное количество трудящегося люда получило возможность писать и участвовать в ежедневных, еженедельных, месячных и т. д. изданиях.

Теперь очень много кричат о том, что Советская Власть нагло попрала свободу печати, что она задушила все издания и газеты инакомыслящего направления, что для прессы наступили времена худшие, чем было в дни Николая II и т. д. и т. д.

Тем не менее факт остается фактом: истинная свобода печати для миллионов трудового народа, для народившейся рабоче-крестьянской интеллигенции, для всех тех, кто пишет в чердаках и в подвалах, на сундуках и подоконниках, впервые осуществлена при Советской Власти. Наши противники могут, сколько угодно, негодовать и возмущаться, но мы будем говорить: истинная свобода печати существует для народа только теперь.

Дорошевичу, Яблоновскому, Суворину, Милюкову, Айхенвальду и Арцыбашеву зажали рты. Но я обращаюсь к тем, кто мучительно работал над собой, урывая часы от недолгаго отдыха после тяжелой изнурительной работы, - сколько мук приняли они от этих самых больших и малых Дорошевичей и Арцыбашевых, обивая пороги редакций журналов и газет?..

Господа Дорошевичи имели свободу слова, но они давили молодые ростки народного творчества. Дорошевичей создавал особый читатель и Дорошевичи создавали особаго читателя - и потому в газетах Дорошевичей не было места новой интеллигенции, интеллигенции фабрик и заводов, заброшенных углов.

Муки слова - тягчайшие муки и на совести всех этих обиженных теперь литературных олимпийцев - тысячи и десятки тысяч самых тяжких преступлений, ибо они держали под спудом тысячи людей, тянувшихся сказать свое, передуманное и перечувствованное. Они несказанно увеличивали эти муки слова, они давили и задавили многих и многих из тех, кто писал кровью своего сердца и соком нерв своих.

У Ибсена скальд Ятгейр говорит: "самыя дорогия песни - это еще не рожденныя".

Оне самые дорогия и самыя мучительныя. Вот эти нерожденные, самыя дорогия песни лежат на совести всех этих Дорошевичей и Арцибашевых.

И они смеют еще говорить и имеют наглость кричать открыто, что с ними поступили несправедливо!

Неправда. Они не имеют права говорить это, ибо они сами совершили тягчайшия преступления против "духа святого", ибо они были гасителями дум и песен тысяч людей.

Теперь эти тысячи трудовой, рабочей интеллигенции потянулись к литературе, теперь они складывают свои "нерожденные песни", теперь впервые тысячи из них нашли себе место, где они могут говорить свободно.

И они говорят.

Об этом свидетельствуют те десятки пакетов и писем, которые ежедневно поступают в редакцию.

А. Воронский.